

шей стране, человечеству. Что тот, в ком нет ощущения этого долга, тот, кто пришел в мир с мыслию о себе, и только о собственном благополучии — социально и духовно-обреченный человек.

Но те, которые стремятся оказать посильную помощь своему отечеству, — те должны внимательно выбирать путь для совершения своего дела. Слишком многие ошибаются, — и не они одни от этого страдают.

Мне кажется, что Истина жизни была нам дана. Путь к свободе, равенству, братству был указан. Но мы деловито суетимся на безвыходных узких тропинках, не видя широкой торной дороги, ведущей прямо к цели. Говорят, что несмотря на то, что эта дорога пряма и коротка, по ней до невозможности трудно идти. Забывают, что каждый шаг вперед по этой дороге неизмеримо больше сокращает путь, чем бесчисленные километры, пройденные по тропинкам без выхода.

Мы, издающие эти страницы, стремимся идти по светлой дороге. То, что мы видим в ее конце — нам дороже всего в жизни. Мы хотим достижения этой Цели в полной чистоте и целостности. Но пока, — Она еще только светит нам. При ее свете мы ви-

дим все уродливые, искаженные пути наших братьев. И этот свет, который сам по себе — энергия, да претворится он в нас в энергию живую, в действительную помощь тем, кто ищет и не видит света. Лучи Христианства должны просиять в России и пронизать сумерки человечества; мы ищем каким способом мы сможем отдать на это и свои силы. Мы знаем, что веру нельзя навязать, она приходит сама. Но можно видеть дела верящих и поверить в их истину. Именно этим путем мы и хотим завоевать доверие. Мы отбрасываем два «пути к блаженству» современного человечества: коммунизм и капитализм. Они враги друг другу, но мы враги им обоим. Мы ищем претворения в жизнь Христовой Истины в Ее незапятнанном виде. Мы ищем в себе силы не ограничиться одним церковным — личным благочестием; христианство очищенное, христианство новое, к человеку и человечеству обращенное, христианство социальное — вот путь сияющий впереди. Смиренно и дерзостно вступаем мы на эту дорогу.

Христианство — наша основа, наш исход и наша цель.

Валентин Андреев.

в порядке обсуждения

Ниже мы перепечатаем программную часть статьи Ю. А. Ширинского-Шихматова «Освобождение», появившейся два года тому назад в первой книге «Утверждений». Автор считает ее значительно устаревшей — но мы полагаем, что статья является и по сие время прекрасной исходной установкой для всестороннего обсуждения пореволюционной программы-минимум.

Мы, — те, кого принято считать «идеологическими утопистами» — вполне реалистичны в своих политических требованиях и твердо знаем, что большая ломка в настоящих условиях будет для страны убийственным ударом. Эта наша точка зрения была достаточно ясно указана в третьей книге «Утверждений»... «придется, разуме-

ется, исходить из нынешнего советского государственного устройства, постепенно и последовательно внося в него поправки и коррективы, соответствующие нашим основным миросозерцательным установкам» (стр. 9).

Перепечатывая статью мы рассчитываем на то, что наши читатели пришлют в Редакцию свои критические замечания, каковые будут использованы в последующих номерах «Завтра», — однако при обязательном условии, что замечания будут сопровождены конкретными формулировками, подлежащими, по мнению критиков, заменить собой или дополнить то или иное оспариваемое положение. Мы при этом надеемся, что наши читатели, чтобы внести предложения действительно-реальные — захотят пред-

варительно ознакомиться с тем государственным устройством, которое они стремятся изменить; такое ознакомление будет тем более полезно, что в эмиграции сейчас многие охотно о многом судят — но далеко не все знакомы с тем, о чем говорят. Мы хотели-бы, чтобы люди пореволюционного сознания оказались в этом отношении исключением.

Считаем нужным при этом добавить, во избежание всегда возможных кривотолков, что вопрос о «поправках и коррективах» мы ставим совершенно вне зависимости от модной в эмиграции триады — «революция — переворот — эволюция». При **всех** условиях мы полагаем, что предотвращение грубой ломки всего жизненного, что содержится в советском строе (а не в коммунистической доктрине) — есть вопрос первостепенной важности и прямого патриотического долга.

«...Вырабатывать сейчас **подробную** политическую программу — занятие и без того в эмиграции слишком распространенное, к тому же — едва ли целесообразное. Однако **общие** линии наших программных утверждений пора уже наметить. Думаю — они сведутся примерно к нижеследующим положениям:

1. Свобода религий.
2. Конфедеративное государство с сильную центральной властью, опирающуюся на систему свободно-избранных советов («Союз Народов Государства Российского»).
3. Элементарные гражданские свободы, независимый суд, равенство всех перед законом.
4. Укрепление экономического самоуправления, диктуемого как международной обстановкой, так и географическими особенностями страны. Дальнейшее осуществление индустриализации, увязанной с общей экономической конъюнктурой.
5. Сосуществование государственной и частной промышленности под общим контролем государства (планирование).
6. Признание частиц-хозяйственного начала в области трудовой земельной собст-

венности (функциональной); поощрение коллективизации, как формы **добровольной** кооперации; развитие сети крупных государственных хозяйств для нужд экспорта и регулировки внутреннего хлебного рынка.

7. Действительное проведение в жизнь обещанного, но фактически не данного коммунистами социального и рабочего законодательства.

8. Усиление обороноспособности страны.

9. В области внешней политики: всемерное стремление к мирной ликвидации конфликтов; доброжелательное отношение к освобождающимся колониальным народам и эксплуатируемым слоям населения капиталистических стран...».

(«Утверждения» № 1 стр. 38-39).

Некоторыми критиками в этой тактической программе-минимум были усмотрены противоречия между первой и второй половиной отдельных параграфов.

Мы-же, наоборот, склонны приветствовать **эластичность** вышесприведенных положений, указывающих одновременно на **должное** — и на **путь** к нему. **Конфедерация** — и, для закрепления ее, на время переходного периода — **путь сильной** власти. **Индустриализация**, как цель — и **увязка** с экономической конъюнктурой, как путь. Мирная ликвидация конфликтов — как цель — и освобождение угнетенных, как существеннейшая к тому предпосылка, — и т. д.

Читателям, которые откликнутся на наш призыв и примут участие в обсуждении поднятых здесь вопросов — мы еще хотим напомнить следующее место из уже выше цитированной третьей книги «Утверждений» (стр. 7-8):

«...Мы живем в исключительно-динамическую эпоху — и программа, как нечто одновременно мало-подвижное и сниженное, наименее нужна в своем прежнем, дореволюционно-устойчивом смысле. Вот почему теперь жизненно лишь сочетание незыблемой, вечной идеологии — с крайне подвижными, чисто-тактическими и кратковременными программами минимум...».

В заключение мы рады поделиться с чи-

тателями обещанием, полученным от Ю. А. Ширинского-Шихматова — дать в одном из ближайших номеров «Завтра» очередную

формулировку пореволюционной программно-тактической установки.

Редакционная Коллегия.

О РЕВОЛЮЦИИ

Еще до сих пор многие склонны рассматривать Революцию, как захват власти *шайкой* интернациональных бандитов. Захват случайный, произошедший *благодаря «измене», «жидам» и «левым»*. По мнению этих многих, революции, собственно, и не было — все лишь недоразумение, темнота народа и ловкость разбойников. Другие говорят: «да — увы — революция произошла, Россия погибла, России больше нет и не будет. Все, что от России осталось — это полковой значок, висящий в квартире ротмистра NN в Париже». На этих суждениях останавливаться не стоит: это мнение — пусть стилизованное — давно духовно умерших людей, для которых Россия лишь форма: с разрушением «прежней России» для них уничтожилась и сама Россия. Третьи на парижских собраниях покрикивают о необходимости *новой «Национальной» Революции*. Люди эти не заметили, что Русская Революция (нравится ли это им или нет) — но по характеру своему, по размаху, по скрытым еще пока от многих современников конечным своим целям — с первых дней *уже была национальна*. Не к новой революции нужно стремиться, — необходимо углубить национализацию революции нынешней, уже давно ставшей *на защиту национальных интересов России*, часто вопреки воле ее внешних руководителей. Ошибочно думать, что Революция началась с Октября (еще того менее — с Февраля) и кончилась крушением «Белого Движения»: истоки Революции нужно искать за двести с лишним лет назад. А продолжается она и по сей день. И не коммунистами кончится. Революция — это эпоха заострения сознания. Она выдвигает новые требования, новые идеи, новые проблемы в предельно-концентрированном виде, и требует немедленного (и от того часто скороспелого) их

разрешения. Сфера революции есть сфера молодежи, молодых сил, нетерпеливых и страстных, не останавливающихся перед невозможным и не боящихся ошибок. Ее поле действий — рушащийся прежний правящий слой и выбивающийся из под его обломков — слой новый. В настоящую минуту, благодаря наличности всех этих данных, Россия находится в состоянии Революции и будет в нем пребывать, пока вопросы, выдвинутые русской историей и поставленные Октябрем не найдут своего разрешения.

Русскую Революцию нельзя рассматривать, как явление местное, касающееся только России: это революция вселенская и проблематика ее — всемирная. Характерна ее всеземная устремленность — «мировой пожар раздуем». — Это не только кризис сознания русского, но и кризис сознания мирового. Европа давно уже забрела в тупик матерьялизма и бездуховности, и под ее влиянием и другие народы попадают в тот же тупик. Именно русский народ, по своей молодости и порывистости, *первый произвел* попытку пробить вставшую перед ним стену и вырваться на свежий воздух. Сейчас он еще не вырвался — он только вырывается, ослепленный пылью, поднявшейся столбом над рухнувшей стеной, оглушенный грохотом ее падения. Теперь очередь за другими народами: или пробить и у себя брешь — или погибнуть: история не может останавливаться, остановка равносильна смерти.

Не даром, не как анекдот привел я в начале этой заметки образчики «воззрений» на Революцию. К сожалению, такие суждения приходится слишком часто слышать в эмигрантской среде. Это доказывает непонимание или незнание русской истории и полную оторванность от русского народного со-